

УДК

ЛЕВ ТОЛСТОЙ, РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ОЦЕНКИ

Бондаренко Ю.Я. – к.ф.н., профессор, Костанайский государственный университет им. А.Байтұрсынова

Статья посвящена актуальной и острой проблеме отношения Льва Николаевича Толстого к религии и церкви. Автор убежден, что в рассмотрении этой проблемы следует учитывать логику развития мировой культуры и социально-историческую обстановку конкретной эпохи. Только такой учет может позволить нам объективно и разносторонне рассматривать творчество великого писателя и непредубежденно анализировать современное звучание поставленных им проблем, сложность которых заключается, как в сложности самих феноменов веры, религии и церкви, так и в их иногда чрезмерной идеологизации и «осовременивании».

Ключевые слова: Толстой Л.Н., религия, вера, церковь, рационализм, антагонизмы, компромисс.

L.N.TOLSTOI, RELIGION, CHURCH. THE PROBLEMS OF CONTEMPORARY EVALUATION

Bondarenko Y.Y. - Ph.D., Associate Professor, Kostanai State University named after A.Baitursynov

The article is devoted to the topical and urgent problem of the attitude of Tolstoi to the religion and church. The author is sure that this problem is connected with the logics of the world culture development and social-historical situation of the epoch. Such approach can allow to regard the creation of the great author objectively and to analyze the modern interpretation of the problems which he has set without prejudices. The difficulty of these problems is both in the complexity of the phenomena of believe, religion and church and in their ideology and modernization.

Key words: L.N.Tolstoi, Believe, Church, rationalism, antagonisms, compromise.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ, ДІН ЖӘНЕ ШІРКЕУ, ЗАМАНАУИ БАҒАЛАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Бондаренко Ю.Я. – ф.ғ.к., профессор, А.Байтұрсынов атындағы Қостанай мемлекеттік университеті

Мақалада Лев Николаевич Толстойдың дінге және шіркеуге қатысты өзекті және көкейтесті мәселелері туралы айтылған. Автор осы мәселені қарастыру барысында нақты өмір сүру дәуірінің тарихи-әлеуметтік жағдайы мен әлемдік мәдениеттің дамуындағы ой-сананы ескеру керектігін мысалдар арқылы дәлелдеп көрсетеді. Осылай анықтау ғана ұлы жазушының шығармашылығын жан-жақты, дәлелді, айқын ашып қарастыруымызға және қазіргі кездегі мәселелермен де ұштастыра сараптауға мүмкіндік береді, дегенмен, дін мен шіркеу саласында идеологизация мен қазіргі уақыт ағымының әсері шектен тыс болғандықтан, құдайға сыйыну, дін және шіркеу өзіндік бір күрделілігімен ерекшеленеді.

Негізгі ұғымдар: Л.Н.Толстой, дін, сыйыну, шіркеу, рационализм, антагонизм, компромисс.

Толчком к размышлениям над этой темой стала статья кандидата философских наук, преподавателя кафедры истории зарубежного искусства исторического факультета МГУ Скворцовой Е.Л., опубликованная в первом номере солидного российского философского журнала «Вопросы философии» (с.46 – 56). Статья эта названа «О русских антагонизмах и японском компромиссе» Согласно автору, специфической особенностью японской культуры является «целостность как синтез разного» - главная ценность компромиссного подхода к жизни, что контрастирует с культурой России, «ориентированной на поиск «истины разума». По мысли Е.Л. Скворцовой, красноречивыми примерами противоположных подходов к культуре и жизни являются первые философские произведения В.И.Ульянова-Ленина (1870 – 1924) и Нисары Китаро (1870 – 1945)» (1, с.46)

Попытки такого рода всегда интересны, но в данном конкретном случае возникает немало вопросов, да и прямых возражений.

Автор пишет, что «логика Ленина – это логика войны, логика черно-белой картины мира, где враг, если он не сдаётся должен быть обязательно уничтожен...» Подобное восприятие мира оказалось известным и Европе, где в XX веке появилась идеология с антагонистическим восприятием действительности, а именно «фашистская концепция, оформленная в Германии в работах А.Розенберга» Только у Ленина основа – классовая борьба, а у Розенберга расизм(1, с.48).

Сопоставление не оригинальное, хотя и очень упрощенное, основанное на аналогиях, вырванных из контекста всей мировой культуры. Так, например, если счесть характерной чертой

тоталитарных систем и режимов тягу к гигантомании (что присутствует в реальной истории), то встает неудобный и безответный вопрос: а как же тогда объяснить грандиозность американской статуи Свободы, высеченных в скале фигур американских президентов? – Америку, вроде бы, к странам тоталитарным относить не принято. Или, возьмем другой пример: фотографии, где Ленин и дети, Сталин и дети, Гитлер и дети. Вот оно – еще одно совпадение! Но вот беда! Разве нет фотографий, где бы в окружении детей не было бы глав совсем иных государств?

Иными словами, и детали значимы, но, если только они рассматриваются с учетом целого. Не говоря уже о том, что упоминание о «фашистской идеологии» А.Розенберга просто неверно. Оно – повтор советских пропагандистских штампов прежних десятилетий. Фашистская идеология в собственном смысле слова – это идеология, взятая на вооружение в Италии времен Муссолини, а немецкая идеология примерно того же периода – национал-социализм, что не одно и то же. Достаточно напомнить, что холокост связан именно с национал-социализмом, а не итальянским фашизмом.

Но это частность, хотя и существенная. Для нас здесь значимее иное – попытка оценить сложнейшие процессы в истории человеческой мысли и культуры в целом, основываясь на их фрагментаризации, выдергивании отдельного из целостной, хотя и, в силу обстоятельств, неполной картины.

Неудивительно, что при такой избирательности фактически в один ряд с Розенбергом и Лениным ставится и Лев Толстой, который осмелился возвысить голос против русской православной церкви своего времени. Автор, как само собой разумеющееся, «констатирует»: «В трагическую историю разжигания социального противостояния в России и культивирования антагонистических настроений в российском обществе внес свою лепту не только В.И.Ленин, но и Лев Толстой, которого вождь пролетариата записал в союзники (опять упрощение – Ю.Б.) и назвал «зеркалом русской революции»... Он (Толстой) занял позицию возмутителя спокойствия, яростно обличавшего официальное православие в антицерковных и антирелигиозных памфлетах...

(И тут, как представляется, некоторое смешение. Антицерковность, (антиклерикализм отнюдь не обязательно подразумевает антирелигиозность. Антицерковные «памфлеты» Толстого были отнюдь не антирелигиозными. Достаточно вчитаться в «В чем моя вера». – Ю.Б.)

... остановить ниспровергателя -Толстого было невозможно. По собственному признанию писателя (в том же «Ответе»), «он изучил и критически разобрал догматическое богословие» и «убедился, что учение Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства». «В периодическом прощении грехов на исповеди,- писал он,- вижу вредный обман, только поощряющий безнравственность». «Не в молебнах, обеднях, свечах, иконах учение Христа, а в том, чтобы люди любили друг друга».

Как же все это комментируется автором статьи? – «Толстой, как видим, ополчается на эстетическую и каноническую форму богослужения, которая служит материальной скрепой православной веры... нападки Толстого именно на литургию и иконопочитание наносили удар в самое сердце русского православия» (Ссылка на Г. Померанца Г.С. Дороги духа и зигзаги истории. – М., 2008).

Дальше же перед нами очень важные акценты на том, что именовано «Истинами разума». «Истины разума» - вот главное, что нужно Богу, считает Толстой. И если ему будет предоставлена более истинная истина, чем истина Христа, он готов отречься от Христа, ибо утверждает, что Богу ничего не нужно». По своей сути, считает Скворцова, это ответ Достоевскому, утверждавшему, что, если даже ему докажут, что истина не в Христе, он останется с Христом против истины. «Истина Достоевского, добавляет автор статьи, - это истина сердца, она сложна, диалогична и состоит из многих выстраданных истин...»

«Толстой (же), встав на позиции крайнего рационализма, вызывает тем самым несомненную ленинскую симпатию. Но в художественном отношении рационализм бесплоден... на закате жизни Толстой пишет карикатуру на человека, редуцировав его до абстрактной разумной схемы, заклеив, как грязное и греховное все, что связано с чувственно-телесным измерением человека.

В своем увлечении рационализмом Толстой забыл, что в европейской истории уже имела место трагическая попытка выстроить жизнь «по законам разума». Еще Вольтер требовал «раздавить гадину» - церковь и создать социальную жизнь на разумных основах. Последующий кровавый опыт Великой Французской революции и парижской коммуны красноречиво свидетельствует о том, что именно «разум» предоставил непровержимые аргументы в пользу самых чудовищных «разумных», которые по факту были осуждены, как «безумные» (1,с.с. 50 – 51).

Оставим пока в стороне вопрос о том, насколько относил Ленин Толстого к своим союзникам и в чем симпатизировал, а в чем и не был согласен с этим, по его словам, «матерым человечеством». Желающие могут сами взять в руки «Лев Толстой, как зеркало русской революции» и сделать свои выводы. Коснемся лишь двух принципиальных положений, начав с конца.

Одно из них – обвинения в адрес «истины разума» и рационализма, которые, по утверждению Скворцовой и взял на вооружение «возмутитель спокойствия» Лев Толстой.

Второе (а в статье – первое), положение об антагонистичности и ее пагубности.

Бесспорно, что жизнь человека или социальных групп, пытающихся опереться только на разум, будет неполна, однобока. Бесспорно, что те или иные конкретные исторические формы «рационализма», да и не только его, всегда ограничены. Бесспорно и то, что именем разума вершилось немало преступлений, а многие чудовищные и даже абсурдные деяния и вещи могли пытаться объяснить «разумно».

Но в имени ли тут дело? Истории хорошо известно, сколько самых разнообразных чудовищных преступлений творилось под совсем иными именами. Например, под именем Бога или богов. Достаточно вспомнить Крестовые походы, инквизицию. Варфоломеевскую ночь и религиозные войны в целом, жестокие преследования сектантов в отнюдь не социалистической, а еще царской России, современный воинствующий исламизм.

Да и церкви, если требовалось, доступными им логическими аргументами не брезговали. Достаточно вспомнить, что работорговля обосновывалась западноевропейскими теологами тем, что негры – потомки Хама, проклятого еще собственным отцом Ноем и потому, согласно воле Божьей, обязанные быть в услужении у белых.

Поэтому, поскольку уж Россия сравнивается с Японией, пожалуй, было бы уместно вспомнить, что японская культура во многих отношениях «дочерняя» по отношению к китайской. А еще Даосы писали, что Дао подобно мечу: один возьмется за рукоять и будет использовать его, как оружие. Другой же схватится за лезвие – и обрежется. Точно также и разум, священные тексты и т.д. Использовать их, особенно в качестве лозунгов и т.п., можно совершенно по разному. И, если скажем, крыловская мартышка, не знала, что делать с очками, то само по себе это еще не означает, что очки – вещица никчемная.

Что же касается антагонизмов, то тут разговор и о них в целом, и о Толстом и религии, в частности, если он ведется вне контекста мировой культуры, будет ущербным и беспредметным.

Хорошо известно, что еще Гераклит Эфесский, задолго до появления европейских рационалистов, утверждал, что «война отец и мать всего». И уж совсем не европейцы – зороастрийцы создали свою, четко очерченную картину мира с поляризацией сил добра и зла. Позже подобная в данном отношении картина мира появилась в христианстве: «кто не с нами, тот против нас», потому, что можно быть либо с Богом, либо с дьяволом. И у мусульман мир стал четко делиться на верных и неверных. Более того, такого рода дуализм Добра и Зла – широко распространенное явление в мировой культуре.

И тут важно не выхватывать отдельные страницы истории, а попытаться понять: почему в те или иные периоды противоречия становятся антагонистическими, а последние особенно обостряются, и как это преломляется в мире идей, которые, в свою очередь, способны оказывать колоссальное влияние на ход исторических событий, ибо в живой истории идеи, настроения и социальная реальность – единое целое. Иначе говоря, идеи и настроения уже сами являются составляющими социальной реальности. Но их истоки, их аналоги могут быть более древними, чем непосредственные причины конкретных социально-экономических процессов.

Так, та же критика Церкви, а в советское время и Партии, как формы, застывающей и отрывающейся от своего изначального либо «идеального» содержания, в мировой истории повторяется с постоянством морских приливов. Не ее ли аналоги мы видим в христовой критике фарисейства и в различных средневековых ересьях? На позициях, близких к толстовским, стоял и сожженный с благословения церкви Ян Гус. Очень похожие обвинения протестантов в адрес католиков зазвучали и в эпоху Реформации.

И дело тут не в том, что, критиковавший церковь Толстой, повторял кого-то. Сама ситуация оказывалась сходной. К тому же она усугублялась той атмосферой, которая ощущалась в России после убийства Александра Второго. Как пишет А.Панченко, которого никак не заподозришь в «вульгарном атеизме», «теперь в Церкви ценится не культура, а культ, не служение, а служба. совершается как бы попятное движение к временам Николая Первого. Считается, что простонародью достаточно элементарной грамотности и православного обычая, обихода, считается, что это надежный щит, который охранит крестьянские души от влияния «лихого человека». Это выражение Победоносцева, а заповедь его – «не мудрствуйте лукаво». Но в лукавстве подозревалась всякая живая мысль, поэтому лучшие умы России, и первый из них Лев Толстой, встали в оппозицию к правительству». (2, сс.357 – 358) Поскольку же православная церковь была государственной (да и не только поэтому), определенные критические настроения крепили и по отношению к ней.

Толстой, как и многие его современники, отнюдь не был абстрактным обличителем православия религии вообще (тут, к примеру, очень интересно было бы вспомнить критические высказывания в адрес мулл и ислама казахских просветителей Чокана Валиханова и Ибрая Алтынсарина). Подобно деятелям эпохи Реформации, бичевавшим пороки католической церкви своего времени (вспомните, жгучие обвинения Ульриха фон Коттенбаха, обличавшие несправедливость «служителей Христа»: «О вы, попы и монахи...»), он не просто разумом, а всем сердцем не принимал того, во что, по его наблюдениям, превращалась официальная «вера». Причем еще и до Победоносцева, чья деятельность усилила акценты, но не породила саму ситуацию. Так, в 1881 году

в своей «Исповеди» Лев Николаевич писал: «Вероучение не участвует в жизни... По жизни человека, по делам его, как теперь, так и тогда, никак нельзя узнать верующий он или нет... (3,с.32)

В школах учат катехизису и посылают учеников в церковь; от чиновников требуют свидетельств и бытия у причастия. Но человек нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службе, и теперь, а в старину еще больше, мог прожить десятки лет, не вспомнив ни разу о том, что он живет среди христиан и сам считается исповедующим христианскую православную веру...» (3,с.33)

А войны, о которых Толстой знал не понаслышке? – Они, по его внутреннему ощущению и глубокому убеждению тем более никак не могут свидетельствовать о том, что люди, именующие себя христианами, в реальности следуют учению Христа.

Учение – вера – дело и сам человек – вот что занимает, точнее, мучит Толстого. Отсюда и его чеканное, основанное на мучительных раздумьях над Библией: «Иаков говорит, что единственный признак веры – дела, вытекающие из нее, и что потому вера, из которой не вытекают дела, есть только слова, которыми как не накормишь никого, так и не сделаешь себя праведным и не спасешься. И потому вера, из которой не вытекают дела, не есть вера...» Завершает же эти рассуждения замечательный психологический пассаж «**Это только желание верить** во что-нибудь, **это только ошибочное утверждение на словах, что я верю в то, во что я не верю**» (4, с.260. Разрядка моя – Ю.Б.)

В такого рода суждениях Толстой не просто не одинок, он скорее типичен, аккумулируя настроения миллионов. Не случайно в песнопении баптистов уже двадцатого века (а Толстой был знаком и с баптистами-пашковцами, хотя и не слился с ними) звучат слова:

Что тело без духа, то вера без дел.

Печален и жалок той веры удел».

Глубинная же основа исканий Толстого – поиски смысла личной жизни, которые выливаются в размышления: «Всякое осмысливание личной жизни, если оно не основывается на отречении от себя, для служения людям, человечеству – сыну человеческому есть призрак, разлетающийся при прикосновении разума...»(4, с.254)

Служение же человечеству для Толстого, опять-таки, не абстракция, а та основа, которая позволяет людям выживать. Наглядный пример, наглядное обоснование таких суждений – художественно-философская притча «Чем люди живы», где и попавший на землю вочеловеченный ангел, и младенцы, умершей матери выживают лишь благодаря взаимопомощи, человеческой солидарности.

Конечно, не все из рассуждений Толстого можно безоговорочно принять, да и просто принять. Например, его неприятие разводов. Конечно же, многие его размышления могли вызвать и продолжают вызывать неприятие даже самых блестящих и отнюдь не закосневших в отрицании разума теологов. Так, знаменитый Александр Мень резко критиковал толстовское понимание Бога (5, с.16). По поводу же Толстовских изысканий Евангелия утверждал, что «в своем переводе он идет куда дальше вольного парафраза. Он откровенно насилует текст, выбрасывает из него все, что не совпадает с его собственными идеями, прямо искажает смысл написанного» (5, с.140) Толстой, как замечает А.Мень, - «механически перенес нравственные заповеди, обращенные к личности, на весь общественный порядок. (Речь идет о непротивлении злу насилуем – Ю.Б.) А полной аналогии, полного соответствия здесь быть не может» (5,с.21) «Если отдельный человек лично может простить зло, то социальный закон в этом несовершенном мире должен оставаться на принципах справедливости» (5, с.22)

По мысли Менья, Толстой фигура не менее, а, может быть, и более трагическая, чем Достоевский. «Богоискатель, нашедший обоснование жизни в вере, он, в сущности, подрывал ее основы» (5, с.6-7)

Но проблема не только в этом. Лев Анненский, которого цитирует Мень, полагает, что Толстой, вероятно, предчувствовал «большую кровь». Ведь он ушел из жизни накануне Первой мировой.

И здесь для нас очень важно вспомнить выводы А.Менья, не бесспорного, но мыслящего и энциклопедически образованного человека: «Трагедия Толстого – это трагедия человека, не избавившегося от гипноза рассудочности, от рационализма». Но при этом «его религиозно-философские писания могут нас многому научить. Толстой напоминал человеку, что он живет недостойной, унижительной, извращенной, суетной жизнью, что народы и государства, называющие себя христианскими, отодвинули на задний план нечто исключительно важное в Евангелии». (Не о той ли проблеме расхождения этикеток и жизненной сути писал десятилетия спустя после появления толстовских работ и Эрих Фромм в своей знаменитой книге «Иметь или быть? – Ю.Б.)

Пусть религия Толстого объективно не может быть отождествлена с религией Евангелия, остается бесспорным вывод, к которому он пришел. пережив внутренний кризис. Этот вывод гласит: жить без веры нельзя, а вера есть подлинная основа нравственности» (5, с.25)

Вполне понятно, что и суждения Менья не исчерпывают проблемы. Остается очень серьезный вопрос о многогранности самого феномена веры. Вопрос, исследованию которого немалого внимания уделяли, к сожалению, подзабытые ныне советские религиоведы. Да и с «гипнозом рассудочности, с

рационализмом» далеко не все просто. Тысячи лет, образованные люди самых искренних верований не могли отказаться от попыток осмыслить и этот мир, и догматы тех или иных вероучений. Для них такой отказ был бы равнозначен готовности ходить с завязанными глазами. Даже великий мистик Августин писал: «Уразумей, чтобы уверовать», «вера вопрошает, разум обнаруживает» (6, с.440) Можно полемизировать о нюансах перевода и Августине в целом, но совершенно очевидно, что без элементов «рассудочности, рационализма» какой бы то ни было развитой теологии просто не могло бы существовать. Так что дело не в гипнозе рационализма, которому подвергся Толстой, а в самой его направленности. Сама же повторяемость и постановки ряда проблем, и определенного хода мысли с соответствующими выводами, свидетельствует о том, что в лице Толстого мы имеем одного из колоссов, державших руку на пульсе своей эпохи. Пульсирование же проблем порождает и повторяемость путей их осмысления. Ленин не случайно назвал Толстого зеркалом русской революции. Не факелом, не спичкой, а именно зеркалом. А, как известно, не зеркала рожают изъяны, уродства и антагонизмы. Они лишь делают их наглядными, особенно для носителей изъянов. К тому же Толстой был не просто зеркалом, а и художником слова. А подлинный художник, то есть тот, кто трудится не ради конъюнктуры, всегда неудобен, всегда не укладывается в какие-то рамки, а его духовно-творческие искания произвольно (речь не идет о модном с двадцатого века. просчитанном эпатаже) выплескиваются из гранитных берегов устоявшегося. Ведь творчество потому и творчество, что оно направлено на поиски и созидание нового.

Не случайно Андрей Вознесенский в своих потрясающих по звукописи «Мастерах» восклицал:

Художник первородный -

Всегда трибун.

В нем дух переворота

И вечно бунт!

Что же касается «опыта компромиссной японской цивилизации», то, естественно, этот, как и всякий иной опыт такого масштаба, полезен. Достаточно обратить внимание на то, что, если на Западе четыре монархии рухнули в результате Первой мировой войны, то японский социум, а вместе с ним и японская монархия сохранили свои базовые структуры несмотря на чудовищную для Японии катастрофу Второй мировой – катастрофу, равную которой, не пережила ни одна из империй (с добавлением монархической Пруссии), погибших вследствие Первой мировой.

Но что тут собственно от «компромиссной... цивилизации», что от иных, в том числе внешних факторов, еще предстоит изучать. Ведь, с одной стороны, «компромиссность» японской цивилизации (а такие черты цивилизаций не рождаются в одночасье) не помешала кровавым внутренним войнам в Японии, с другой же – не помогла найти компромиссы с внешним по отношению к стране миром и избегать войн, в которых, как известно, японские солдаты проявляли чрезвычайную жесткость. То же самое можно сказать и о пропитавших японскую культуру даосских и иных идеях китайской цивилизации. Ни даосские идеи следования природе и «недеяния» (у-вэй), ни конфуцианские гуманистические идеалы не уберегали Китай от мощнейших социальных потрясений и междоусобных войн, в те периоды его истории, когда ситуация трагически обострялась. Поэтому-то сопоставления идей и исторических фигур, действовавших в разных условиях, не могут быть слишком линейными. Они уместны, как пища для размышлений, но не как основа для серьезных выводов о глубинных причинах исторических явлений.

Литература

1. Сковцова Е.Л. О русских антагонизмах и японском компромиссе. – Вопросы философии, 2014, №1, сс.46 -56.
2. Панченко А. Несколько страниц из истории русской души. – В кн.: Л.Н.Толстой. Исповедь. – М., 1991, сс.345 – 360.
3. Толстой Л.Н. Исповедь. – М., 1991.
4. Толстой Л.Н. В чем моя вера? – В кн. Л.Н.Толстой. Исповедь. – М., 1991, сс.117 – 345.
5. Мень А. «Богословие» Льва Толстого и христианство. – В кн. Л.Н.Толстой. Исповедь. – М., 1991, сс.5 -30.
6. Цит.по: Таранов П.с. 106 философов. Т.1. – Симферополь: Таврия. 1995.

References:

1. Skvorcova E.L. O russkih antagonizmah i japonskom kompromisse. – Voprosy filosofii, 2014, №1, ss.46 -56.
2. Panchenko A. Neskol'ko stranic iz istorii russoj dushi. – V kn.: L.N.Tolstoj. Ispoved'. – M., 1991, ss.345 – 360.
3. Tolstoj L.N. Ispoved'. – M., 1991.
4. Tolstoj L.N. V chem moja vera? – V kn. L.N.Tolstoj. Ispoved'. – M., 1991, ss.117 – 345.
5. Men' A. «Bogoslovie» L'va Tolstogo i hristianstvo. – V kn. L.N.Tolstoj. Ispoved'. – M., 1991, ss.5 -30.

6. Cit.po: Taranov P.s. 106 filosofov. T.1. – Simferopol': Tavrija. 1995.

Сведения об авторе

Бондаренко Юрий Яковлевич - профессор кафедры философии Костанайского государственного университета им.А.Байтурсынова.г. Костанай, пр. Абая, 164, 88, телефон 545022.

Bondarenko Yuriy Yakovlevich- professor of the department of philosophy of Kostanay state university by A. Baytursynov, Kostanai city, the boulevard of Abaya, 164, 88. Telephone number: 545022.

Бондаренко Юрий Яковлевич - А.Байтұрсынов атындағы Қостанай мемлекеттік университетінің философия ғылымдары кафедрасының профессоры, Қостанай қ., Абай даңғылы, 164, 88 пәтер.